

Д. Н. Овсяннико-Куликовскій

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Отъ 50-хъ до 80-хъ годовъ

Изд. т-ва „Общественная Польза“ и книгоизд. „Прометей“. С-Пб.

1911

Оглавление

Введеніе	I—IV
Глава I.	М. Е. Салтыковъ (Щедринъ) въ 50–60-хъ г.г.	1
” II.	Политическая сатира Салтыкова. „Исторія одного города“	18
” III.	Духъ времени и направленія 60-хъ годовъ — „Дымъ“ Тургенева	29
” IV.	Базаровъ, какъ отрицатель и какъ общественно–психо- логическій типъ	51
” V.	„Кающіеся дворяне“ и „разночинцы“ 60-хъ годовъ	83
” VI.	Глѣбъ Успенскій въ концѣ 60-хъ и начале 70-хъ годовъ	99
” VII.	Глѣбъ Успенскій въ 70-хъ годахъ. Интеллигенція и народъ	123
” VIII.	Глѣбъ Успенскій. Власть зѣмли. Классовая психологія крестьянства	141
” IX.	Передовая идеологія 70-хъ годовъ. Лавровъ и Михайловскій	167
” X.	„Мирные пропагандисты“. Поколѣніе 70-хъ годовъ	188
” XI.	Достоевскій въ 70-хъ годахъ	204
” XII.	Идейное наслѣдіе Достоевскаго	218
” XIII.	80-е годы. — „На ущербѣ“, романъ П. Д. Боборыкина	239

ВВЕДЕНИЕ.

Первая часть этой книги оканчивается главами (XII и XIII), посвященными поэзии Некрасова во второй половинѣ 50-хъ гг. и въ началѣ 60-хъ и очерку передовыхъ направленій 60-хъ гг. („добролюбовскому“ и „писаревскому“) въ ихъ отношеніяхъ къ дѣятельности Некрасова.

Продолжая нашъ трудъ, мы эту вторую часть начинаемъ очеркомъ ранней (50-хъ гг.) сатиры *Салтыкова*, въ которой мы останавливаемся преимущественно на ея демократическихъ и народническихъ элементахъ, по существу совпадающихъ съ направлениемъ поэзии Некрасова (той же эпохи). Это совпаденіе было однимъ изъ знаменій времени. Русская литература (т.-е. ея лучшая часть, выражавшая настроеніе и идеи передовой части мыслящаго общества) совершила тогда тотъ поворотъ, начало которому было положено еще въ 40-хъ годахъ — сперва передовыми славянофилами, а потомъ и западниками. Это былъ поворотъ въ сторону народа, крестьянства, — въ сторону защиты его интересовъ, подготовки умовъ къ мысли о необходимости упраздненія крѣпостного права, пропаганды гуманнаго отношенія къ „мужику“, сопровождавшейся его идеализаціей, болѣе или менѣе послѣдовательной.

Наиболѣе значительными литературными фактами этого рода (и при томъ болѣе ранними) были, въ западническомъ лагерѣ, извѣстныя произведенія *Д. В. Григоровича* „*Деревня*“ (1846 г., въ „Отеч. Зап.“) и „*Антонъ Горемыка*“ (1847 г., въ „Современникѣ“). Авторъ задавался цѣлью не только изобразить жизнь крѣпостного крестьянина, но вызвать въ читателѣ сочувствіе къ нему и рядъ „грустныхъ и важныхъ мыслей“ (о его безправіи, его тягостной долѣ), какъ выразился тогда же Бѣлинскій въ критической статьѣ, посвященной этимъ произведеніямъ Григоровича. Эти повѣсти, въ особенности „Антонъ Горемыка“, были по тому времени явленіемъ и новымъ, и смѣлымъ. Григоровичъ рисо-

валъ ужасы крѣпостного права и, безъ всякаго сомнѣнія, внесъ большой вкладъ въ очередное тогда дѣло — пробужденія въ обществѣ чувствъ состраданія и симпатіи къ народу и — сознанія гражданскаго долга, лежащаго на каждомъ мыслящемъ человѣкѣ, — протестовать не только противъ ужасовъ крѣпостного права, но и противъ самаго его *принципа*. Но — по необычайной строгости цензуры того времени — протестовать открыто нельзя было: приходилось замаскировывать протестъ, напимѣръ, въ беллетристической формѣ или дѣлать намеки въ такихъ статьяxъ, которыя, по содержанию, никакого отношенія къ крѣпостному праву не имѣли. Намеки прятались въ „литературную критику“, въ „смѣсь“, въ библиографію. Такъ, *Салтыковъ*, тогда еще совсѣмъ молодой, начинающій писать, въ рецензійи на „*Логику*“ профессора семинаріи *Зубовскаго*, говоря о бесплодности или софистикѣ *силлогизмовъ*, поясняетъ свою мысль такимъ примѣромъ: „Намъ случилось слышать, какъ одинъ господинъ весьма серьезно увѣрялъ другого, весьма почтенной наружности, но посмирнѣе, что тотъ долженъ ему повиноваться, дѣлая слѣдующій силлогизмъ: я человѣкъ, ты человѣкъ; слѣдовательно, ты рабъ мой. И смиренный господинъ повѣрилъ (такова ошеломляющая сила силлогизма!) и отдалъ тому господину все, что у него было: жену и дѣтей, и самого себя, и вдобавокъ остался даже очень доволенъ собою“. — „Эти слова, — замѣчаетъ *К. К. Арсеньевъ*, — направлены, очевидно, не противъ „*Логики*“ *Зубовскаго*, а противъ модной, по тогдашнему времени, крѣпостнической логики“. (*К. К. Арсеньевъ*. „*Салтыковъ-Щедринъ*“. Спб., 1906., изд. „Свѣточа“, стр. 7).

Другимъ литературнымъ фактомъ того же рода, что и „*Антонъ Горемыка*“, но произведшимъ въ свое время впечатлѣніе, хотя не столь сильное, зато гораздо болѣе глубокое и прочное, были первые очерки изъ „*Записокъ Охотника*“ *Тургенева*. Они появились въ „смѣси“ „*Современника*“ 1847—1848 гг. („*Хоръ и Калинычъ*“, „*Ермолай и Мельничиха*“ и др.). Огромное художественное достоинство, а равно и соответственное общественное значеніе этихъ очерковъ не сразу были замѣчены. Но вскорѣ критика и публика почувствовали ихъ силу. Въ нихъ *впервые* въ русской литературѣ были выведены психологическіе типы крестьянъ, и было показано, что эти типы, по своему внутреннему достоинству, отнюдь не уступаютъ типамъ верхнихъ слоевъ, что „*мужикъ*“ — прежде всего *человѣкъ*, и при томъ — вовсе не обиженный природой и часто проявляющій незаурядныя качества ума и сердца. При этомъ

эти типы отнюдь не идеализированы, — они дышат глубокой психологической и жизненной правдой. „Записки Охотника“ вызвали въ читателяхъ не только чувство состраданія и жалости къ мужику, но главнымъ образомъ — что, пожалуй, было еще важнѣе — *чувство уваженія* къ нему, какъ человѣку. И самъ собою напрашивался выводъ: если мужикъ — такой же человѣкъ, какъ и „мы“, а не какая-нибудь низшая порода, если нельзя не уважать его, то крѣпостное состояніе, безправіе крестьянъ, торгъ ими — это величайшее беззаконіе и безобразіе, не только общественное и юридическое, но и моральное, — и оно *должно быть* упразднено. — „Записки Охотника“ вызвали въ свое время сочувственный отзывъ *Бьлинскаго* (въ „Современникъ“) и *К. Аксакова* (въ „Московскомъ Сборникъ“ 1847 года).

Ободренный успѣхомъ, Тургеневъ продолжалъ писать эти очерки, стараясь, насколько это было возможно, отгнать безобразіе крѣпостничества. Въ 1852 г. они вышли отдѣльной книгой, въ исправленномъ видѣ и съ восполненіемъ того, что было выброшено или искажено цензурой въ журналѣ. Книга имѣла огромный успѣхъ, и ея вліяніе на широкіе круги читающей публики было въ высокой степени плодотворно. Въ выработкѣ и установленіи *общественнаго мнѣнія* по вопросу о крѣпостномъ правѣ „Записки Охотника“ сыграли выдающуюся роль. Когда, въ 1879 г., оксфордскій университетъ почтилъ Тургенева дипломомъ доктора „обычнаго права“, — онъ имѣлъ въ виду именно заслуги Тургенева, какъ писателя, содѣйствовавшаго „Записками Охотника“ упраздненію крѣпостного права въ Россіи *).

Послѣ смерти Императора Николая Павловича и окончанія крымской кампаніи наступилъ, наконецъ, поворотъ во внутренней политикѣ. Прекращалась тяжелая реакція, сковавшая русскую жизнь на цѣлыхъ семь лѣтъ (1848—1855), зачинались либеральныя вѣянія первыхъ лѣтъ царствованія Александра II, подготовлялась великая реформа, упразднившая крѣпостное право. Цензура, конечно, не была отгнана, но она стала гораздо снисходительнѣе. Литература оживилась. Вскорѣ явилась возможность писать и о крѣпост-

*) О „Зап. Охот.“ см. прекрасную статью г. Грузинскаго („Литературные очерки“, стр. 220 и сл.).

номъ правѣ и обсуждать въ печати проекты реформы. Возникла „обличительная“ литература, направленная противъ старыхъ порядковъ, жестокихъ нравовъ, лихоимства и всѣхъ насилій и пережитковъ прошлаго.

Подъ перомъ *Щедрина* это направленіе превратилось въ художественную, глубоко-захватывающую сатиру.

Въ поэзіи *Некрасова* зазвучали мощные аккорды „гражданской скорби“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливались и тѣ настроенія, изъ которыхъ позже выдѣлились народничество и радикальный демократизмъ разныхъ оттѣнковъ.

Въ XII-ой и XIII-ой главахъ первой части нашего труда мы отмѣтили выраженіе этихъ настроеній въ поэзіи Некрасова. Теперь прослѣдимъ ихъ въ ранней *сатирѣ Салтыкова*.

ГЛАВА I.

М. Е. Салтыковъ (Щедринъ) въ 50—60-хъ г.г.

1.

Обращаясь къ разсмотрѣнію перваго періода дѣятельности нашего великаго сатирика, мы въ этой главѣ остановимся преимущественно на его отношеніяхъ къ народу. Подобно Некрасову, и *Салтыковъ* въ 50-хъ годахъ отдавалъ дань народничеству, не чуждому нѣкотораго сентиментализма и отпавлявшемуся отъ извѣстной идеализаціи мужика. Ноты умиленія и смиренія, которыя мы находимъ въ поэзіи Некрасова 50-хъ годовъ *), звучать и въ ранней сатирѣ Щедрна — въ „*Губернскихъ очеркахъ*“, появленіе которыхъ было крупнымъ событіемъ въ развитіи нашей общественной мысли. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ выраженій народническихъ идей сатирика справедливо признается очеркъ „Богомольцы, спутники и проѣзжіе“ („Полное собраніе сочиненій М. Е. Салтыкова“, Спб., 1900, т. I, стр. 238 и сл.). — Сатирическія стрѣлы направлены здѣсь не на народъ, а на другіе классы. Напротивъ, изображеніе народныхъ типовъ согрѣто горячею любовью къ простому человѣку и проникнуто чувствомъ уваженія къ крестьянской массѣ, въ которой сатирикъ открыто признаетъ наличность положительныхъ качествъ, не достающихъ другимъ—верхнимъ—сдоямъ. Онъ говоритъ: „Я вообще чрезвычайно люблю нашъ прекрасный народъ и съ уваженіемъ смотрю на свѣжіе и благодушные типы, которыми *кишитъ* **) народная масса“ (стр. 243). Услышавъ, какъ одинъ мужичекъ сказалъ другому, что взяли въ

*) См. ч. I. н. XII.

**) Курсивъ мой.

солдаты его Матюшу, который „быль добрый парень, робилъ непрекословно, да и въ рекруты непрекословно пошелъ“, — Щедринъ рисуетъ картину, живо напоминающую — по настроенію и точкѣ зрѣнія—соотвѣтственныя мѣста у Некрасова. „Воображенію моему вдругъ представляется этотъ славный, смиренный парень Матюша, не то чтобъ веселый, а скорѣе боязливый, трудолюбивый и честный. Я вижу его за сохой, бодрога и сильнаго... вижу его дома, безропотно исполняющаго всякую домашнюю нужду; вижу въ церкви Божьей, стоящаго скромно и истово знаменующагося крестнымъ знаменіемъ...“ (стр. 245). — Вникая во внутренній міръ мужика, Щедринъ, подобно Некрасову, умиляется передъ его наивною и глубокою вѣрою, передъ чистотою его религіознаго чувства. Онъ говоритъ: „И вся эта толпа пришла сюда (на богомолье) съ чистымъ сердцемъ, храня, во всей ея непорочности, душевную лепту, которую она обѣщала повергнуть къ пречестному и достохвальному образу Божьяго угодника. Прислушиваясь къ ея говору, я самъ начинаю сознавать возможность и законность этого неудержимаго стремленія къ душевному подвигу, которое такъ просто и такъ естественно объясняется всѣми жизненными обстоятельствами, оцѣпляющими незатѣйливое существованіе простого человѣка. На меня вѣетъ невѣдомою свѣжестью и благоуханіемъ, когда до слуха моего долетаетъ все то же тоскливое голошеніе убогихъ нищихъ...“ (246). Очерки „Отставной солдатъ Пименовъ“ (тамъ-же, стр. 255—267) и „Пахомовна“ (267—273) рисуютъ духовный складъ крестьянина въ архаическомъ, но въ высокой степени привлекательномъ видѣ. Михайловскій въ извѣстной статьѣ „Щедринъ“, цитируя нѣкоторыя мѣста изъ этихъ очерковъ, отмѣчаетъ между прочимъ то, что они написаны въ народномъ стилѣ, эпическимъ складомъ. Щедринъ здѣсь не говоритъ о народѣ отъ своего имени, а заставляетъ самый народъ говорить о себѣ и за себя. — Самое отношеніе Салтыкова къ народу въ то время Михайловскій склоненъ назвать „безсознательнымъ“, поясняя это такъ. „Чиновничество и помѣщики сразу отдѣлились для него въ особую отъ собственно народа группу. И немудрено: онъ видѣлъ крѣпостное право и крымскую войну. Но затѣмъ онъ безхитростно и правдиво рассказывалъ видѣнное и слышанное имъ въ народной средѣ, не теоретизировалъ ни въ какомъ направленіи, не пытался анализировать ни свои чувства, ни предметъ, ихъ возбуждавшій. Онъ просто любовался поэтической цѣлностью вѣры какого-нибудь отставнаго солдата Пименова и другихъ богомольцевъ и странниковъ, или отчаянною и опять-таки поэти-

ческою удалю героя „Развеседаго житя“ *). Это любованіе осложнялось лишь скорбью о томъ гнетѣ, подъ тяжестью котораго изнываетъ народъ...“ („Соч. Н. К. Михайловскаго“, Спб., 1897, т. V, стр. 174).—Можетъ быть отношеніе Салтыкова къ народу въ то время лучше было—бы назвать не „безсознательнымъ“, а только „непосредственнымъ“; сознательное сочувствіе народнымъ массамъ, вообще демократическое направленіе мысли установилось у Салтыкова еще въ 40-хъ годахъ, подъ разнообразными вліяніями умственныхъ теченій эпохи, въ ряду которыхъ видная роль принадлежала идеямъ такъ называемыхъ *утопистовъ*, главнымъ образомъ — Фурье **). Но независимо отъ этого у Салтыкова живо проявлялась, такъ сказать, стихійная, прирожденная любовь къ *русскому* (точнѣе *великорусскому*) народу, — такая-же, какъ у Некрасова. Обоимъ писателямъ былъ по сердцу русскій мужикъ, въ отношеніи къ которому у нихъ не было никакихъ классовыхъ предубѣжденій. Салтыковъ, конечно, желалъ всѣхъ благъ всѣмъ народамъ, но къ русскому народу у него было, по выраженію Михайловскаго, „безотчетное тяготѣніе“, сила котораго простиралась на весь бытъ и духовный складъ крестьянина, на „всю его, можетъ быть, очень убогую физическую и нравственную обстановку, весь тотъ хотя-бы очень унылый пейзажъ, среди котораго онъ проводитъ свою жизнь“ („Соч. Н. К. Михайловскаго“, т. V, стр. 170). — И Михайловскій цитируетъ одно мѣсто изъ „Губернскихъ очерковъ“, гдѣ Щедринъ говоритъ, что любить нашу „бѣдную природу, можетъ быть, потому, что, какова она ни есть, она все-таки принадлежитъ мнѣ...“ и т. д. Михайловскій указываетъ такъ же на то, что это живое чувство къ родному, къ русской природѣ и русскому народу осталось у Щедрина на всю жизнь, и, подтверждая это ссылками на позднѣйшія произведенія сатирика („За рубежомъ“), заключаетъ такъ: „это — совершенно непосредственная любовь, не поддающаяся логи-

*) Изъ „Невинныхъ рассказовъ“, относится къ 1859 г.

***) Вліяніе утопистовъ на Салтыкова прекрасно выяснено В. П. Кранихфельдомъ въ его изслѣдованіи „М. Е. Салтыковъ (Н. Щедринъ)“ („Миръ Божій“, 1904 г.). См. главы IX и X („Миръ Божій“, 1904, июнь, стр. 60 и слѣд.), гдѣ указано значеніе и говора идей, и выразившагося всего ярче въ стремленіяхъ и настроеніи кружка Петрашевскаго. Салтыковъ былъ знакомъ лично съ Петрашевскимъ, посѣщалъ собранія кружка и усердно изучалъ литературу утопистовъ. Характеристикѣ „утопизма“ Салтыкова посвящены главы XI и XII изслѣдованія г. Кранихфельда, къ которымъ, какъ и къ соотвѣтственнымъ страницамъ Михайловскаго, я и прошу обратиться читателей, интересующихся этою стороною идеологіи великана—сатирика.

ческому анализу, потому что Салтыковъ былъ настоящій, коренной русскій человѣкъ, не происхожденіемъ только, а всѣмъ складомъ, и просто естествомъ тянулся туда, гдѣ русскій духъ, гдѣ Русью пахнетъ“ („Соч.“, т. V, стр. 171). Въ другомъ мѣстѣ статьи Михайловскій говорить, что „Салтыковъ былъ истинный патриотъ въ томъ высокомъ смыслѣ, который онъ самъ придавалъ этому слову“, что „онъ любилъ Россію въ качествѣ просто русскаго человѣка, съ молокомъ матери всосавшаго стихійную привязанность къ русскому облику и говору, къ русской пѣснѣ и сказкѣ, къ русскому нраву и обычаю“ (стр. 211—212).

Это и служило *психологическимъ основаніемъ* той народнической окраски, которою, несомнѣнно, отличался демократизмъ Салтыкова во второй половинѣ 50-хъ годовъ и еще въ началѣ 60-хъ. Сатирикъ, по самой натурѣ своей, оказался воспримчивымъ къ народническому настроенію эпохи, сближаясь въ этомъ отношеніи не только съ направленіемъ Некрасова, *но также и съ передовымъ славянофильствомъ*, къ которому позже онъ относился такъ рѣзко отрицательно. Могло быть и прямое вліяніе славянофильскихъ идей на него, на что указалъ В. П. Кранихфельдъ, цитируя слѣдующее мѣсто изъ письма Салтыкова къ И. В. Павлову: „Признаюсь, я сильно гну въ сторону славянофиловъ и нахожу, что въ наши дни трудно держаться иного направленія. Въ немъ одномъ есть нѣчто похожее на твердую почву, въ немъ одномъ есть залогъ здороваго развитія...“ и т. д. (В. П. Кранихфельдъ, „М. Е. Салтыковъ“, „Міръ Божій“, 1904, № 7, стр. 218). Письмо къ Павлову относится къ 1857 г., т.-е. къ одному изъ тѣхъ годовъ, когда славянофильство, по выраженію В. П. Кранихфельда, „привлекало къ себѣ всѣ симпатіи лучшихъ прогрессивнѣйшихъ элементовъ русскаго общества“. Вспомнимъ, что къ этому времени относится сближеніе и оживленная переписка Тургенева съ Аксаковыми, работа Тургенева надъ „Дворянскимъ гнѣздомъ“ (о чемъ у насъ была рѣчь въ VII-й главѣ I-ой части), сочувственные отзывы Чернышевскаго о славянофилахъ и другіе признаки, указывавшіе на возможное соглашеніе между представителями двухъ партій, столь рѣзко расходившихся въ 40-хъ годахъ.

Впрочемъ, въ самой литературной дѣятельности Салтыкова это увлеченіе славянофильствомъ не получило сколько-нибудь яснаго выраженія. Народничество сатирика въ ту эпоху гораздо ближе подходило къ настроенію Некрасова, чѣмъ къ чистому славянофильству. Поэтъ и сатирикъ, можно сказать, шли рядомъ и въ ногу. Это совпа-

деніе тѣмъ знаменательнѣе, что оно отнюдь не основывалось на лич-ныхъ связяхъ, которыя завязались позже. Салтыковъ печаталъ „Губернскіе очерки“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова, тогда либеральномъ, и большею частью жилъ въ провинціи. Сближеніе съ Некрасовымъ началось, повидимому, съ начала 60-хъ годовъ, когда Салтыковъ принялъ непосредственное участіе въ „Современникѣ“, гдѣ онъ, впрочемъ, печаталъ свои вещи (иапр., изъ серіи „Невинныхъ разсказовъ“) и раньше. Любопытно отмѣтить и тотъ фактъ, что на первыхъ порахъ „Губернскіе очерки“ не понравились Некрасову. Въ письмѣ къ Тургеневу отъ 27-го іюля 1857 г. поэтъ говоритъ, между прочимъ: „въ литературѣ движеніе слабое... Геній эпохи — Щедринъ... Публика въ немъ видитъ нѣчто выше Гоголя!“ (А. Н. Пыпинъ, „Н. А. Некрасовъ“, стр. 179. Извѣстенъ также отрицательный отзывъ Тургенева о ранней сатирѣ Салтыкова (въ письмѣ къ Колбасину отъ 8-го марта 1857 года) *).

Тѣмъ не менѣе уже въ 6-й книгѣ „Современника“ того же 1857 года появилась хвалебная статья Чернышевскаго о „Губ. очеркахъ“. Любопытно отмѣтить, что самъ Некрасовъ, цѣнившій тогда Салтыкова такъ низко, въ письмѣ къ Тургеневу отъ 30-го іюня 1857 г. говоритъ: „Въ № 6 „Соврем.“ Чернышевскій написалъ отличную статью по поводу Щедрина...“ (Пып., „Н. А. Некрасовъ“, стр. 173).

Отзывъ же Чернышевскаго гласитъ: „Губернскіе очерки“ мы считаемъ не только прекраснымъ литературнымъ явленіемъ, — эта благородная и превосходная книга принадлежитъ къ числу историческихъ фактовъ русской жизни“ („Критическія статьи“, изд. М. Н. Чернышевскаго, Спб., 1895 г., стр. 357). — Критикъ говоритъ еще, что русская литература гордится и долго будетъ гордиться „Очерками“ Щедрина и указываетъ на огромный успѣхъ книги въ средѣ всѣхъ порядочныхъ людей. Имя Щедрина „честно между лучшими, и полезнѣйшими, и даровитѣйшими дѣтьми нашей родины“ (тамъ-же), а книга его выше всѣхъ похвалъ **).

*) О томъ, какъ оба, и Некрасовъ и Тургеневъ, вскорѣ перемѣнили свой взглядъ и оцѣнили талантъ Салтыкова по заслугамъ, см. у В. П. Кранихфельда („Міръ Б.“, стр. 9).

**) Этотъ восторженный отзывъ о Щедринѣ въ журналѣ Некрасова, а также и аттестація статьи Чернышевскаго, какъ „отличной“, выраженная поэтомъ въ письмѣ къ Тургеневу отъ 30 іюня 1857 г., такъ рѣзко противорѣча отзыву Некрасова о Щедринѣ въ письмѣ отъ 27 іюня того же года (фраза, которую я привелъ выше съ пропускомъ, какъ у Пыпина, въ полномъ видѣ гласитъ: „Геній эпохи — Щедринъ, — туповатый, грубый и страшно

Въ началѣ того-же 1857 года, въ 12-й книгѣ „Современника“ появилась и другая также очень сочувственная статья о „Губ. очеркахъ“, написанная Добролюбовымъ, который, между прочимъ, отмѣчаетъ и отношеніе Щедрина къ народу, совпадавшее съ воззрѣніемъ „Современника“. — „Сочувствіе къ неиспорченному, простому классу народа“, писалъ Добролюбовъ, „какъ и ко всему свѣжему, здоровому въ Россіи, выражается у г. Щедрина чрезвычайно живо“ („Соч. Н. А. Добролюбова, 1896 г., т. I, стр. 430). — Добролюбовъ указываетъ и на ту параллель, которую проводитъ сатирикъ между типами изъ общества съ одной стороны и типами народными съ другой, отдавая рѣшительное предпочтеніе послѣднимъ. Приведа большую выдержку изъ очерка „Богомольцы, спутники и проѣзжіе“, критикъ обращаетъ вниманіе читателя на глубину и правдивость религиознаго чувства у простыхъ людей, на простоту его выраженія и на то, что у нихъ слова не расходятся съ дѣломъ. Не то — въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ, гдѣ „либералы“ и вообще люди „идейные“ пробавляются однѣми фразами, между тѣмъ какъ „внутри существа ихъ господствуетъ лѣнь и апатія“. — „Не такова эта живая, свѣжая масса...“, „этотъ міръ, толковый и дѣльный“ — его слово крѣпко, и „сдѣлаетъ онъ, что обѣщаль. На него можно надѣяться“ (стр. 431). Итакъ, надлежащая оцѣнка ранней сатиры Щедрина „Современникомъ“ была заслугою Чернышевскаго и Добролюбова, которые, такимъ образомъ, и подготовили почву для сближенія Некрасова съ Салтыковымъ, для многолѣтняго ихъ сотрудничества въ веденіи двухъ передовыхъ журналовъ („Современникъ“ по 1866 годъ и „Отечествен. Записки“ съ 1868 года), сыгравшихъ такую крупную роль въ передовомъ движеніи русской общественной мысли.

2.

Въ 60-хъ годахъ въ демократизмѣ Салтыкова произошла перемѣна, совершенно аналогичная той, которую мы отмѣтили въ поэзій

завнавшийся господинъ...“ (1), — см. у Кранихфельда, „М. Б.“ 1904, № 4, стр. 8), лишній разъ показываютъ, какую свободу и самостоятельность предоставлялъ Некрасовъ въ „Современникѣ“ Чернышевскому, какъ и Добролюбову, не навязывая имъ своихъ личныхъ мнѣній. Очень вѣроятно, что перемѣна, взгляда Некрасова на Щедрина произошла именно подъ прямымъ влияніемъ Чернышевскаго и Добролюбова.

Некрасова *). Народническая окраска пошла на убыль, чувство умиления передъ глубиною, правдивостью, простотою народной вѣры и здоровыми задатками народной психологіи не получаетъ уже прежняго — приподнятаго и лирическаго — выраженія; зато растетъ и все ярче проявляется другое, болѣе раціональное и въ высокой степени плодотворное, отношеніе къ народу, основанное на чувствѣ *справедливости*. Въ своихъ публицистическихъ статьяхъ, печатавшихся въ „Современникѣ“ (въ первой половинѣ 60-хъ годовъ), Салтыковъ неоднократно возвращался къ вопросу объ отношеніяхъ правящихъ классовъ къ народу, о матеріальномъ положеніи и нуждахъ крестьянской массы, о ея интересахъ и т. д. Здѣсь онъ рѣшительно возстаеъ противъ той идеализаціи мужика и того слащаваго, фальшиваго народничества, которыя наиболѣе ярко выражались въ публицистикѣ и беллетристикѣ славянофиловъ и такъ называемыхъ „почвенниковъ“. Онъ прямо заявляетъ, что „когда говоришь о мужичкахъ, то нѣтъ никакой надобности ни *умиляться*, ни *присѣдать*, ни *впадать въ меланхолю* **“) (А. Н. Пыпинъ, „М. Е. Салтыковъ“, стр. 145). — Описывая въ яркихъ чертахъ суровую, скудную, тѣсную жизнь крестьянина, протекающую въ постоянномъ и неблагодарномъ трудѣ, подъ гнетомъ вѣчныхъ заботъ о кускѣ хлѣба, вѣчной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, Салтыковъ рѣзко и рѣшительно отвергаетъ всякую надобность „рисовать картинки на розовомъ маслѣ и вообще идеализировать и поэтизировать“. Нужно смотрѣть на дѣло проще и „знать доподлинно“, „что дѣлаетъ русскій мужикъ и во что ему это дѣло обходится“. Такое отношеніе къ народному вопросу „положить начало чувству болѣе прочному и плодотворному, *чувству справедливости*“ **). Это разсужденіе завершается слѣдующею бутадою: „Если идеализація, всегда основанная на поверхностномъ и неполномъ знаніи вещей, помогаетъ намъ распускаться въ умиленіяхъ и мечтахъ о сближеніяхъ, то не надо забывать, что нерѣдко та же самая идеализація ведетъ насъ и къ мордобитію. Напротивъ того, знаніе вещи необходимо отразится и на отношеніяхъ человѣка къ ней, и эти отношенія будутъ именно такими, какими они быть должны. Не будетъ поцѣлуевъ, но не будетъ и оплеухъ, не будетъ любви всепрощающей, но не будетъ и поученій тѣлесныхъ. Будетъ справедливоеть, а покамѣстъ она только и требуется“ (Пыпинъ, „М. Е. Салтыковъ“, стр. 145—146).

*) См. ч. I, и. XII.

**) Курсивъ мой.

Эта точка зрѣнія, основанная на чувствѣ справедливости и исключаяющая сентиментальное отношеніе къ народу, установилась у Салтыкова, очевидно, подъ вліяніемъ руководителей „Современника“ — *Чернышевскаго* и *Елисеева*. — *Бѣлоголовый*, въ воспоминавіяхъ о Салтыковѣ, говорить: „Салтыковъ не отрицалъ, что и онъ многимъ обязанъ въ своемъ развитіи Чернышевскому“ (Н. А. Бѣлоголовый, „Воспоминанія и другія статьи“, Москва, 1897, стр. 236; см. также стр. 257). — Публицистическую дѣятельность Елисеева Салтыковъ высоко цѣнилъ. Когда, послѣ закрытія „Современника“, Некрасовъ задумалъ (въ 1867 г.) взять въ аренду у Краевскаго „Отечествен. Записки“ и пригласилъ Салтыкова въ соредакторы, послѣдній настаивалъ на привлеченіи, на равныхъ правахъ, и Елисеева (Бѣлоголовый, стр. 237).

Переходъ Салтыкова отъ прежней — народнической — точки зрѣнія къ новой, которую можно назвать „раціонально-демократической“, отразился въ „Сатирахъ въ прозѣ“, печатавшихся въ „Современникѣ“ съ начала 60-хъ годовъ. Здѣсь прежде всего мы отмѣтимъ, такъ сказать, пересмотръ вопроса объ инстинктивномъ тяготѣніи ко всему родному, о невольномъ пристрастіи къ своей національной стихіи, которое, какъ мы знаемъ, было у Салтыкова довольно сильно выражено. — Теперь сатирикъ, признавая это тяготѣніе и пристрастіе, какъ фактъ, имѣющій свое психологическое оправданіе, уже не умиляется передъ нимъ, не поэтизируетъ его, а вышучиваетъ. Прочтемъ слѣдующее мѣсто: „Глуповъ, милый Глуповъ! Отчего надъ рывается сердце, отчего болитъ душа, при одномъ упоминеніи твоего имени? Или есть невидимое, но крѣпкое нѣкоторое звено, приковывающее мою судьбу къ твоей, или ты подбросилъ въ питье мое зелья, которое безвозвратно приворожило меня къ тебѣ? Кажется, и не пригожь ты, и не слишкомъ умень; нѣтъ въ тебѣ ни природы могучей, ни воздуха вольнаго; нищета да убожество, да дикость, да насиліе... плюнулъ-бы и пошелъ прочь! Анъ нѣтъ...“ — Выходитъ такая „странная штука“: „подойдешь къ тебѣ поближе, вкусишь отъ винограда твоего — тошнить: чувствуешь, какъ въявь дуракомъ дѣлаешься; уйдешь отъ тебя — плачешь...“ — Сатирикъ объясняетъ эту странность тѣмъ, что „мы всѣ, сколько насъ ни есть, мы всѣ плоть отъ плоти... кость отъ костей“ Глупова. И продолжаетъ: „Это нужды нѣтъ, что иногда словно тошнить: тошнота-то, милый человекъ, вѣдь своя, родная, прирожденная, такъ сказать, тошнота! Ну, потошнить — потошнить, да и пройдетъ! Это нужды

нѣтъ, что временемъ, словно обухомъ по головѣ, тебя треснетъ: обухъ-то вѣдь свой, глуповскій обухъ, тотъ самый обухъ, который дѣйствуетъ по пословицѣ: кого люблю, того и бью, — бери-же его благоговѣнно въ руки и поцѣлуй!...“ („Полн. собр. сочин. М. Е. Салтыкова“, 1900, т. II, стр. 413).

Сатирическія стрѣлы Щедрина, раньше направлявшіяся почти исключительно на верхніе слои, на чиновниковъ, помѣщиковъ и т. д., теперь мѣтять вообще въ „глуповцевъ“, какъ таковыхъ, безъ различія званій и состояній, и не щадятъ, гдѣ нужно, и мужика. Въ отношеніи послѣдняго знаменательна одна страница „Сатиръ въ прозѣ“, которую приводитъ и поясняетъ Михайловскій (Сочин., т. V, стр. 186—187) *). Это — „глуповскій анекдотъ“, въ которомъ рассказывается, какъ авторъ, подѣзжая однажды къ Глупову, былъ свидѣтелемъ мудрой распорядительности начальства, запрещавашаго баркамъ и лодкамъ переѣзжать рѣку Большую Глуповицу, пока нагружается паромъ. Одна лодочка не вытерпѣла и поплыла. Начальство тотчасъ отрядило „дантиста“ „для преслѣдованія и наказанія ослушника“. Дантистъ расправился на славу и „воздухъ огласился воплями раздирающими...“ Но чтó всего ужаснѣе, — „толпа была весела, толпа развратно и подло хохотала“. „Хорошѣнь его, хорошѣнь его!“ неистово гудѣла тысячеустая. „Накладывай ему, накладывай! Вотъ такъ, вотъ такъ!“ вторила она мѣрному хлопанью кулаковъ...“ — Запротестовалъ только одинъ какой-то старикъ, прошептавшій: „разбойники!“ да и тотъ сейчасъ-же испугался и поспѣшилъ уйти съ парома. Описавъ сцену, Щедринъ предлагаетъ разобрать ее „логически“. Изъ этого разбора приведу только то, что относится къ поведенію толпы. Сатирикъ спрашиваетъ: „отчего ее не прорвало при видѣ этой гнусной расправы съ однимъ изъ своей среды?“ — И отвѣчаетъ: потому что она, эта толпа, не доросла еще до понятія о безобразіи всяческаго насилія, — о томъ, „что нельзя-же наказывать не только смертнымъ, но и никакимъ боемъ, и не только такое преступленіе, какъ, напр., нарушеніе безсмысленнаго приказанія паромнаго унтеръ-офицера, но и всякое другое преступленіе, хоты-бы отданное приказаніе было не безсмысленно и отдалъ его не унтеръ-офицеръ, а самъ Ударь-Ерыгинъ...“ — Такое сознаніе уже есть у насъ въ средѣ людей европейски-образованныхъ и мыслящихъ, но его нѣтъ въ народѣ, оно „недоступно грубой толпѣ, ко-

*) См. также у Кранихфельда („Міръ Божій“, 1904 г., № 7, стр. 220—221).

торая изъ-за куска насущнаго хлѣба потѣла и выбивалась изъ силъ, скидывая вилами навозъ на телѣги и потомъ разбрасывая его по полямъ...“ — Въ послѣднихъ строкахъ эта дикость толпы какъ-бы оправдывается, т.-е. объясняется, — между тѣмъ какъ развитое гуманное сознание людей образованныхъ не вмѣняется имъ въ особую заслугу (они имѣли возможность дорости до него, ибо „занимались самоусовершенствованіемъ въ тиши кабинета, въ сообществѣ книжекъ“ и т. д.). — Къ этому Щедринъ добавляетъ еще указаніе на то, что толпа имѣетъ „непреклонную вѣру въ роковую неизбѣжность силы“. И въ этомъ она не виновата, потому что „живетъ не подъ вліяніемъ умозрѣній, а подъ вліяніемъ дѣйствій эмпириковъ и шарлатановъ, которые научили ее горькому житейскому опыту“ („Полн. собр. соч. М. Е. Салтыкова“, т. II, стр. 408—109). При всемъ томъ, идеализація народа, къ которой еще недавно такъ склоненъ былъ Салтыковъ, по необходимости отпадаетъ теперь. Пусть народъ не виноватъ въ своей рабей темнотѣ, въ своей дикости и приниженности, но эта тьма, дикость и раболѣпіе — остаются фактомъ. Его можно объяснить, но облечь его и примириться съ нимъ нельзя. На мѣсто еще недавняго „умиленія“ выступаетъ негодованіе и — еще больше — презрѣніе, умѣряемое однако жалостью. Жалость и симпатія къ народной массѣ, томящейся въ непосильномъ трудѣ, въ темнотѣ, въ невѣжествѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ — презрѣніе къ тому же народу, какъ исторической „силѣ“, вынесшей на своихъ плечахъ безобразный порядокъ вещей, его-же угнетающій, — вотъ та руководящая точка зрѣнія писателя-гражданина, которая ляжетъ отнынѣ въ основу грозной и гнѣвной сатиры Щедрина. Это руководящее воззрѣніе онъ самъ выразилъ весьма опредѣленно въ извѣстномъ письмѣ, опубликованномъ Пыпинымъ („М. Е. Салтыковъ“, стр. 11—13), которое онъ написалъ (въ 1871 г.) въ отвѣтъ на упреки одного критика, усмотрѣвшаго въ „Исторіи одного города“ сатиру на историческое прошлое и презрѣніе къ русскому народу. Намъ придется позже остановиться на этомъ любопытномъ документѣ дольше, здѣсь приведемъ только то, что отвѣчаетъ Салтыковъ на упрекъ въ презрѣніи къ народу: „...что касается моего отношенія къ народу, то мнѣ кажется, что въ словѣ „народъ“ надо отличать два понятія: народъ историческій и народъ, представляющій собою извѣстную идею... Первому, выносящему на своихъ плечахъ Бородавкиныхъ, Бурчеевыхъ и т. п., я, дѣйствительно, сочувствовать не могу. Второму я всегда сочувствовалъ, и всѣ мои сочиненія полны этимъ сочувствіемъ“ (Пыпинъ, стр. 13). — „Исторія одного города“,

которую мы займемся въ дальнѣйшемъ, безспорно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ сатирическомъ наслѣдіи Щедрина. Здѣсь его негодующая мысль и возмущенное чувство обращается не на отдѣльныя стороны или явленія современной русской жизни, а на цѣлое, на исторически сложившееся государственное цѣлое Россіи. Это въ тѣсномъ смыслѣ сатира политическая. Она создалась въ концѣ 60-хъ годовъ („Отеч. Зап.“, 1869 г.), но была задумана или, такъ сказать, подготовлялась раньше. Этою подготовкою и явился тотъ *пересмотръ* вопроса о національномъ тяготѣніи, о стихійной любви къ Глупову, пересмотръ, которому посвящена не одна страница „Сатиръ въ прозѣ“, гдѣ *Глуповъ* уже занимаетъ довольно видное мѣсто. Сатирикъ даетъ злую и яркую картину жизни, нравовъ и всей дикости, отсталости и спячки глуповцевъ, разрабатываетъ психологію глуповца, заглядываетъ мелькомъ и въ историческія времена Глупова, „исторію“ котораго онъ напишетъ впоследствии...

Надо отмѣтить, что въ этихъ первоначальныхъ очеркахъ Глупова сатирикъ не является безусловнымъ пессимистомъ. Онъ даже свидѣтельствуемъ, что нѣкогда Глуповъ назывался Умновымъ. Но уже во времена отдаленныя былъ переименованъ въ Глуповъ по приказанію Юпитера — за то собственно, что страдалъ болѣзненною спячкою, которой чуть было не подвергся и самъ Юпитеръ, однажды посѣтившій Глуповъ. Переименованіемъ глуповцы не обидѣлись и даже преподнесли Юпитеру хлѣбъ-соль. Очевидно, выходитъ такъ, что хорошіе задатки у глуповцевъ были, былъ даже умъ; но они осовѣли отъ спячки и съ теченіемъ времени потеряли способность ворочать мозгами. Когда однажды явилась въ Глуповъ Минерва, желая узнать, „какую это думу мудреную думаетъ Глуповъ, что все словно молчитъ да на усъ себѣ мотааетъ“, — то глуповцы только кланялись и потѣли. — „Скажите, что-жъ вы желали-бы?“ продолжаетъ вопрошать Минерва. А глуповцы все только кланяются да потѣютъ. „Тогда Богъ вѣсть откуда раздался голосъ, который во всеуслышаніе произнесъ: „лихо-бы теперь соснуть было!“ — Это обезоружило и смягчило богиню, которая отъ нетерпѣнія начала было уже сердиться и топать ножкой. Теперь она „милостиво улыбулась“. А глуповцы засмѣялись тѣмъ „нутрянымъ смѣхомъ, которымъ долженъ смѣяться Иванушка-дурачекъ, когда ему кукишъ показываютъ“ (т. II, стр. 646).

Отъ этой-то фатальной сонливости и произошло то, что, собственно говоря, настоящей исторической жизни у глуповцевъ не

было. Они проспали свою исторію, какъ проспали и умъ, и другіе хорошіе задатки, какіе у нихъ были нѣкогда (вѣдь когда-то они назывались „умновцами“). Такой взглядъ несомнѣнно отзывается тѣмъ историческимъ романтизмомъ, который былъ отличительною чертою славянофильства и также извѣстныхъ теченій народничества, идеализировавшихъ архаическія формы народнаго быта.

Итакъ, „у Глупова нѣтъ исторіи“ (645). Впрочемъ, по рассказамъ старожиловъ, какая-то исторія у нихъ хранилась на колокольнѣ, но ее крысы съѣли. Очевидно, въ тѣсной связи съ отсутствіемъ исторіи находится и тотъ курьезный фактъ, что „истинное глуповское міросозерцаніе состоитъ въ отсутствіи міросозерцанія“. Сатирикъ не считаетъ нужнымъ подтверждать это историческими изысканіями, потому что эти послѣднія уже произведены М. П. Погодинымъ. Но тутъ выходитъ недоразумѣніе, которое сатирикъ отмѣчаетъ мимоходомъ: „труды-ли Михаила Петровича сдѣлали то, что Глуповъ кажется Глуповымъ, или Глуповъ сдѣлалъ то, что труды Михаила Петровича кажутся глуповскими? Петръ Великій создалъ Россію, или Россія создала Петра Великаго? (677—678). Вообще сатирикъ не отчаивается въ будущемъ Глупова. Онъ даже думаетъ, что если система нажиманія и постукиванія по головамъ будетъ постепенно упраздняться, то изъ глуповцевъ еще можетъ выйти толкъ. Онъ полемизируетъ съ тѣми, которые утверждаютъ, будто „съ Глуповымъ относительно міросозерцанія безъ понудительныхъ мѣръ ничего не подѣлаешь“ (675). Къ прискорбію, оказывается, что сами глуповцы убѣждены въ этомъ. Они даже „дурѣютъ отъ любви къ тому, кто стучитъ имъ въ головы“, и становятся скучны и унылы, „если стучаніе почему-либо временно прекращается“ (677). Но сатирикъ видитъ здѣсь только недоразумѣніе и сожалеетъ, что „никто еще не пробовалъ“ примѣнить къ глуповцамъ „систему поглаживанія по головкѣ“ (647). Обращаясь къ нимъ, онъ говоритъ: „Поймите, что отъ васъ совсѣмъ даже не такъ много требуется, какъ вы думаете; что никто не ожидаетъ, чтобъ вы непременно, не сходя съ мѣста, сдѣлались умновцами, немедленно сказали новое слово и изобрѣли порохъ! Отъ васъ требуется только, чтобъ вы оказали охоту и прилежаніе — и ничего больше!“ (677).

Въ другомъ мѣстѣ сатирикъ рассказываетъ, какъ глуповцы воздвигли гоненіе на нѣкоего мосѣ Шаликова, который скорбитъ о нихъ и „думаетъ о томъ, какими-бы средствами можно-бы сдѣлать изъ нихъ умновцевъ...“ (631). Глуповцы возненавидѣли Шаликова, потому что онъ — „принципъ, который подрываетъ“ глуповскія

„основы жизни“ и нарушает сонъ Глупова. Насталъ часъ пробужденія и критики. Нельзя сказать, чтобъ у глуповцевъ не было дотолѣ никакого нравственнаго принципа, не было никакихъ вѣрваній и мыслей. Они были. „Ты вѣровалъ, ты мыслилъ“, обращается сатирикъ къ глуповцу. „Это несомнѣнно, хотя вѣрованія твои были нелѣпы, хотя мысли твои были поганы“ (633). Теперь настала пора убѣдиться въ этомъ, — и глуповецъ, до сихъ поръ привыкшій страдать только физически (Что плюха? Съѣлъ плюху, съѣлъ двѣ — встряхнулся и пошелъ щеголять постарому...“), впервые восчувствовалъ страданія нравственныя: онъ „въ первый разъ понялъ, что значить настоящее прикосновеніе къ нравственнымъ основамъ жизни, и какую страшную боль причиняетъ это прикосновеніе...“ (634). Оттуда — остревѣлая ненависть къ Шаликовымъ, по крайней мѣрѣ со стороны закоренѣлыхъ глуповцевъ. Что же касается другихъ, не закоренѣлыхъ, то, повидимому, они и общественное мнѣніе, ими представляемое, мало симпатизируютъ Шаликову, а масса остается къ нему равнодушною (634). Во всякомъ случаѣ утѣшительно и то, что съ этой стороны нѣтъ вражды, а есть только равнодушіе. Это все-таки залогъ лучшаго будущаго. Сатирикъ все еще вѣритъ, что въ массахъ осталось нѣкое благое наслѣдіе отъ тѣхъ миѳическихъ временъ, когда Глуповъ назывался Умновымъ... Отъ баснословнаго Умнова доносятся вѣтры, освѣжающіе воздухъ Глупова... Выходитъ какъ-то такъ, что хотя глуповцы и поражены проказой, но „воздухъ Глупова чистъ“ — и „благодаря этой чистотѣ“ въ немъ „ощущается та струя честности, которая полагаетъ непременныя границы распущенности глуповцевъ“ (634—635). И сатирикъ, ободренный этой струей честности, обращается къ глуповцу съ такимъ увѣщаніемъ: „Сойди въ труппы своего собственнаго сердца, о глуповецъ, и очисти ихъ отъ наслонившагося вѣками навоза! И тамъ ты отыщешь зачатки нѣкоторой застѣнчивости, и тамъ ты доскребешься до чего-то похожего на робкое признаніе силы добра!“ (635).— Большихъ упованій на это очищеніе сатирикъ не возлагаетъ, но все-таки думаетъ, что такимъ путемъ глуповецъ можетъ добраться до „спасительнаго трепета“, „который не позволяеть надругаться надъ тѣмъ, что, по общему, вселенскому сознанію, признается за добро“. И затѣмъ, рядомъ житейскихъ примѣровъ, Щедринъ показываетъ, въ чемъ состоитъ и какъ проявляется вліяніе „честной струи“.

3.

Характеръ и основной смыслъ сатиры Щедрина 50-хъ и въ значительной мѣрѣ также и 60-хъ годовъ находились въ самой тѣсной зависимости отъ народнической и демократической точки зрѣнія или программы, которую Салтыковъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ другими передовыми дѣятелями эпохи. Если въ 60-хъ годахъ у него и у Некрасова ноты умиленія и смиренія, звучавшія въ 50-хъ, пошли на убыль и вскорѣ совсѣмъ исчезли, то это еще не значило, чтобы исчезла у нихъ и „народническая точка зрѣнія въ вопросахъ общественной жизни и внутренней политики. Сущность передового демократическаго движенія 60-хъ годовъ сводилась къ тому, что на первый планъ выдвигались интересы народа, какими они представлялись въ данный моментъ, идеалы же интеллигенціи отступали на второй планъ, а, главное, игнорировался и порою совсѣмъ отрицался *чисто-политическій* вопросъ, постановка котораго представлялась (да такъ оно и было на самомъ дѣлѣ), несвоевременною и идущею въ разрѣзъ съ настоящими интересами и вопіющими нуждами крестьянской массы. Политическій вопросъ подымался тогда лишь въ нѣкоторыхъ слояхъ будирующаго дворянства, далеко еще не освободившагося отъ крѣпостническихъ традицій. Передовая интеллигенція поэтому открыто выступала противъ „конституціонныхъ“ поползновеній этого класса. Оттуда и столь извѣстное вышучиваніе „конституцій“ въ сатирѣ Щедрина. Всѣ упованія возлагались друзьями народа на правительство или, вѣрнѣе, на прогрессивные элементы въ немъ. Это придало какъ-бы нѣкоторый „бюрократическій“ отгѣнокъ прогрессивнымъ стремленіямъ демократовъ-радикаловъ, которые въ этомъ направленіи иногда заходили „дальше, чѣмъ слѣдовало-бы, хотя-бы, на примѣръ, въ отношеніи къ земской реформѣ, не оцѣненной ими по достоинству. Салтыковъ не переставалъ вышучивать земство и иронизировать надъ „сѣятелями и дѣятелями“ въ теченіе всей второй половины 60-хъ годовъ и еще въ началѣ 70-хъ, къ великому негодованію нѣкоторыхъ либераловъ-земцевъ того времени и къ нескрываемому удовольствію „бюрократовъ“.

Вообще движеніе, оживленіе и всѣ вѣянія эпохи реформъ имѣли весьма мало общаго не только по размѣрамъ, но и по характеру своему, съ тѣмъ движеніемъ, которое охватило всю Россію въ 1905—06 гг. Эпоха конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ была, конечно, великимъ поворот-

нымъ пунктомъ русской исторіи, но, въ силу самой исторической „логики“ вещей, этотъ ловоротъ не былъ и не могъ быть *освобожденіемъ*, а былъ только *раскрѣпощеніемъ*. За отсутствіемъ организованныхъ общественныхъ силъ, это раскрѣпощеніе могло осуществиться только путемъ реформъ сверху, проводимыхъ „бюрократически“, причемъ тщательно вытраивались тѣ „пункты“ въ реформахъ, которые такъ или иначе отзывались уже не только раскрѣпощеніемъ, а и нѣкоторымъ освобожденіемъ. Передовая публицистика, конечно, отстаивала эти „пункты“, какъ могла и умѣла, но за всѣмъ тѣмъ преобладающее значеніе и рѣдкую популярность имѣла мысль, что *освобожденіе* есть нѣкоторая роскошь, нужная собственно для „господъ“ и для интеллигенціи, а народу, послѣ раскрѣпощенія, нужна пока только земля, сохраненіе общины и элементарное образованіе. Въ общемъ и Салтыковъ раздѣлялъ эту мысль, хотя (надо отдать ему справедливость) своею мѣткою сатирою онъ, можетъ быть, больше, чѣмъ кто-либо, содѣйствовалъ росту освободительныхъ идей и критическому отношенію къ бюрократическимъ основамъ жизни.

Сатирическое творчество Салтыкова поражаетъ насъ своею разносторонностью. Нѣтъ такой темной силы, которая укрылась-бы отъ его пронизательнаго взора и не вызвала-бы его гнѣвнаго негодованія. Онъ нападалъ на всѣ ретроградные элементы въ правительствѣ и въ обществѣ, на сословныя претензіи дворянъ, на крѣпостничество помѣщиковъ, на кулаковъ-міроѣдовъ, на новую „буржуазію“, на биржевиковъ и дѣльцовъ, на пустословіе и поверхностный либерализмъ въ земствѣ, на лицемѣровъ, ханжей, „пѣнокоснимателей“ и т. д., и т. д. Изъ этого огромнаго репертуара мы остановимся здѣсь только на *бюрократіи*, какъ на объектѣ сатиры Щедрина въ эпоху 50—60-хъ годовъ.

„Губернскіе очерки“ были направлены не противъ бюрократіи, какъ таковой, а противъ дореформенныхъ порядковъ, противъ отживающихъ нормъ бюрократическаго произвола и еще болѣе противъ крѣпостничества. И самъ сатирикъ въ то время былъ „бюрократомъ“ — чиновникомъ особыхъ порученій при вятскомъ губернаторѣ, потомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, потомъ вице-губернаторомъ и т. д. Какъ извѣстно, онъ былъ въ этой роли чиновника, ревизора, слѣдователя, начальника — строгъ, взыскателенъ, неподкупенъ, нелицеприятенъ, вообще являлся вѣрнымъ представителемъ нарождавшагося тогда типа либеральнаго, просвѣщеннаго и демократически-настроеннаго дѣятеля-бюкрата. Этотъ „бюро-

кратъ однако хорошо понималъ необходимость ограниченія бюрократическаго произвола и въ официальной запискѣ „Объ устройствѣ градскихъ и земскихъ полицій“ (1857 г.) настаивалъ на „возвышеніи земскаго начала насчетъ бюрократическаго“ и на необходимости децентрализаціи, утверждая, что излишняя централизація вредить мѣстнымъ интересамъ и порождаетъ массу чиновниковъ, „чуждыхъ населенію и по духу, и по стремленіямъ, не связанныхъ съ ними никакими общими интересами, безсильныхъ на добро, но въ области зла являющихся страшной, разъѣдающей силой“ („Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова“, статья *К. Арсеньева*, „Полн. собр. соч. М. Е. Салтыкова“, Спб., 1900 г., т. I, стр. 66) *). Мало того: въ той-же запискѣ Салтыковъ, задолго до введенія земскихъ учрежденій, ратуеть за расширеніе земской самодѣятельности, указывая на вредъ излишней регламентаціи частныхъ интересовъ и правительственнаго вмѣшательства „въ мелочныя отправленія народной жизни“ (тамъ-же, 66). „Правительство не имѣетъ надобности навязывать земству такіе-то и такіе-то интересы, а не тѣ, которые стоятъ на первомъ планѣ у самого земства. Задача правительства ограничивается соглашеніемъ мѣстныхъ интересовъ съ общегосударственными“ (тамъ-же, стр. 64). Тѣмъ не менѣе, какъ только возникла опасность сословныхъ притязаній, напримѣръ, дворянскихъ, въ ущербъ интересамъ крестьянства, Салтыковъ не колебался рекомендовать правительственное вмѣшательство и усиленіе бюрократическаго элемента. Такъ, въ 1861 году въ статьѣ „Объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ“ онъ ополчается противъ тенденцій дворянско-консервативной партіи, выразившихся въ статьѣ Ржевскаго („Нѣсколько словъ о дворянствѣ“), который доказывалъ, что выбранные дворянствомъ мировые посредники будутъ на высотѣ своего призванія и въ особомъ контролѣ не нуждаются. Салтыковъ напротивъ настаиваетъ на необходимости контроля, проектируя устройство ежегодныхъ губернскихъ сѣздовъ мировыхъ посредниковъ и настаивая на участіи въ этихъ сѣздахъ представителей отъ правительства въ лицѣ членовъ губернскаго крестьянскаго присутствія и правительственныхъ членовъ уѣздныхъ мировыхъ сѣздовъ (*Арсеньевъ*, стр. 82). Главнымъ мотивомъ такого проекта послужило Салтыкову убѣжденіе, что „слишкомъ мало распространена въ средѣ дворянства подготовка къ серьезному

*) См. также: *К. К. Арсеньевъ*. „Салтыковъ-Щедринъ“ (въ библиотекѣ „Свѣточа“, С.-Петербург. 1906), стр. 19—21.

труду, къ пониманію крестьянскихъ интересовъ“ *) (тамъ-же, стр. 81). Когда-же въ жару этой полемики, Ржевскій обозвалъ Салтыкова *бюрократомъ*, то сатирикъ открыто заявилъ, что это слово его не пугаетъ, что оно вовсе не оскорбительно и только, „выражаетъ собою принципъ, котораго участіе въ жизненныхъ отправленіяхъ государства столь-же необходимо, какъ и участіе земства“ (тамъ-же, стр. 85). Въ свою очередь, въ жару полемики, Салтыковъ зашелъ слишкомъ далеко: онъ сталъ доказывать, будто у насъ бюрократіи въ собственномъ смыслѣ нѣтъ, потому что нѣтъ еще самоуправляющагося земства... „Называя меня бюрократомъ, — говоритъ онъ, — г. Ржевскій, очевидно, не сознавалъ, что употребляетъ выраженіе, которому въ русской жизни нѣтъ соответственнаго понятія...“ (тамъ-же) **). К. К. Арсеньевъ замѣчаетъ, что слово „бюрократъ“, въ порицательномъ смыслѣ, пускалось въ ходъ въ тѣ времена преимущественно сторонниками помѣщичьихъ интересовъ и сословно-реакціонныхъ стремленій. „Бюрократами слыли тогда въ извѣстныхъ сферахъ Николай Милютинъ, Яковъ Соловьевъ и другіе дѣятели редакціонныхъ комиссій; неудивительно, что къ тому-же сонму оказался сопричисленнымъ и Салтыковъ, и столь-же понятно, что онъ отнесся довольно хладнокровно къ этому сопричисленію“ (тамъ-же, стр. 90—91).

„Бюрократизмъ“ Салтыкова состоялъ въ томъ, что, какъ только дѣло шло о защитѣ народныхъ интересовъ, и если можно было надѣяться найти эту защиту во вмѣшательствѣ правительственной власти, онъ не колеблясь предпочиталъ бюрократическое воздѣйствіе или контроль общественной инициативѣ, ибо плохо вѣрилъ въ безкорыстіе и достоинство этой послѣдней.

Но это нисколько не мѣшало сатирику сознавать и обличать темныя стороны бюрократіи, въ особенности высшей, въ которой онъ усматривалъ только замаскированную форму сословной (дворянской) опеки, съ удивительною мѣткостью разоблачая реакціонныя и сословно-эгоистическія тенденціи въ „политикѣ“ „помпадуровъ“. Уже въ отвѣтъ Ржевскому, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Гдѣ взяли, откуда вывели эти господа русскую бюрократію, отдѣльную отъ русскаго дворянства — это тайна, разгадки которой слѣдуетъ

*) Курсивъ мой.

**) Этотъ эпизодъ прекрасно комментированъ В. П. Кранихфельдомъ, гдѣ читатель найдетъ освѣщеніе вопроса о „бюрократизмѣ“ Салтыкова („Миръ Божій“, 1904 г., № 7, стр. 239 и сл.).

искать въ труппахъ сердцеъ ноздревскихъ...“ (тамъ-же, стр. 85). И затѣмъ въ рядѣ блестящихъ очерковъ, озаглавленныхъ „Помпадуръ и помпадурши“, начатыхъ въ 60-хъ годахъ и продолженныхъ въ 70-хъ, потомъ въ знаменитыхъ „Ташкентцахъ“ (70-хъ гг.), сатирикъ — съ этой именно точки зрѣнія — освѣщаетъ „внутреннюю политику“ администраторовъ въ родѣ Ударь-Ерыгина, Митеньки Козелкова и т. д., и т. д. Передъ нами великолѣпная галлерей типовъ, изображенныхъ рѣзко сатирически и зачастую каррикатурно, но въ то же время поражающихъ глубокою жизненностью и зловѣщею правдою художественнаго воспроизведенія. Изъ этой жизненности и правды сама собою выдѣляется рѣзкая критика всего строя нашей государственной жизни, придающая сатиру Щедрина значеніе и смыслъ сатиры политической. Такой высоты она достигла въ 70-хъ годахъ, но начало этого подъема было сдѣлано въ концѣ 60-хъ годовъ — въ знаменитой „Исторіи одного города“ („Отеч. Зап.“, 1869 г.), о которой мы поведемъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА II

Политическая сатира Салтыкова. — „Исторія одного города“

1.

Въ предыдущей главѣ я привелъ одно мѣсто изъ письма Салтыкова къ Пыпину, гдѣ сатирикъ возражаетъ на упреки одной критической статьи объ „Исторіи одного города“. Теперь намъ необходимо ближе познакомиться съ этимъ любопытнымъ документомъ. Полагая, что въ „Исторіи одного города“ Салтыковъ направилъ свои сатирическія стрѣлы на историческое прошлое Россіи, критикъ указывалъ на всю несообразность такой „исторической“ сатиры. Какой смыслъ — высмѣивать исторію? — Вотъ именно въ отвѣтъ на этотъ упрекъ Салтыковъ писалъ: „Взглядъ на мое сочиненіе, какъ на опытъ исторической сатиры, совершенно невѣренъ: *мнѣ нѣтъ никакого дѣла до исторіи, и я имѣю въ виду лишь настоящее*“ *) (Пыпинъ, „М. Е. Салтыковъ“, стр.11). —

*) Курсивъ мой.

Намъ теперь кажется почти непонятнымъ, какъ можно было принять „Исторію одного города“ за сатиру на прошлое, — да и можно было приписывать столь пустую затѣю писателю съ такимъ огромнымъ умомъ и талантомъ, какъ Салтыковъ. Неужели трудно было догадаться, что подъ историческою личиною, подъ маскою прошлаго въ этомъ произведеніи скрывалась злая сатира на настоящее, на Россію XIX вѣка? — Сатирику пришлось — въ томъ же письмѣ — пояснять: „Историческая форма разсказа была для меня удобна потому, что позволяла мнѣ свободнѣе обращаться къ извѣстнымъ явленіямъ жизни“. — Итакъ, это была маска. И, надо сказать правду, она была выбрана чрезвычайно удачно. Какъ извѣстно, за исключеніемъ нѣсколькихъ страницъ въ началѣ, трактующихъ о „временахъ доисторическихъ“ („О корени происхожденія глуповцевъ“), все содержаніе сатиры облечено, такъ сказать, въ костюмъ XVIII вѣка и начала XIX. Оправдывая этотъ приѣмъ, Салтыковъ говоритъ: „*Можетъ быть, я и ошибаюсь, но во всякомъ случаѣ ошибаюсь совершенно искренно, что *тѣ же самыя основы жизни, которыя существовали въ XVIII вѣкѣ, существуютъ и теперь* **“. Слѣдовательно, „историческая“ сатира вовсе не была для меня цѣлью, а только формою“ (Пыпинъ, стр. 11—12). — Здѣсь характерна лукавая осторожность выраженія: „можетъ быть я и ошибаюсь...“ — Дѣло въ томъ, что послѣ періода реформъ и возрожденія (первой половины 60-хъ годовъ) у многихъ слагалось ложное представленіе, будто между дореформенною Россіею, а тѣмъ паче Россіей XVIII вѣка, и современною залегла цѣлая пропасть, будто кореннымъ образомъ измѣнились самыя основы жизни. Это была невольная иллюзія людей, лишенныхъ политическаго воспитанія. Вообще мы, русскіе, склонны къ иллюзіямъ исторической перспективы, къ страннымъ ошибкамъ чувства историческаго времени, неизвѣстнымъ западной Европѣ. Въ 30-хъ годахъ мыслящимъ людямъ казалось, что отъ эпохи Екатерины II и даже Александра I Россія ушла очень, очень далеко, что порядки, бытъ, нравы, понятія съ тѣхъ поръ измѣнились до неузнаваемости. Чацкій еще въ первой половинѣ 20-хъ годовъ говорилъ о „временахъ очаковскихъ и покоренья Крыма“, какъ о чемъ-то давнымъ-давно пережитомъ и сданномъ въ архивъ исторіи. Бѣлинскому Фамусовы и Скалозубы казались тѣнями прошлаго, выходцами съ того свѣта. Для людей 60-хъ годовъ эпоха 40-хъ

*) Курсивъ мой.

представлялась далекимъ прошлымъ, хотя ея представители были тогда во цвѣтѣ силъ и дарованій и являлись ея живыми свидѣтелями. — Мыслящее общество въ Россіи — со временъ Радищева и Новикова и доселѣ — жило ускоренною жизнью, догоняя, а иногда даже опережая мыслящую Европу, — и быстрая смѣна направленій, умственныхъ интересовъ и идей, быстрый ростъ національнаго самосознанія, спѣшность моральнаго и общественнаго развитія заслоняли отъ глазъ современниковъ относительную неподвижность государственнаго „организма“ Россіи. А когда настала чередъ реформъ, то и почудилось, будто этой неподвижности уже нѣтъ, что все измѣнилось, все тронулось, все движется...

Салтыковъ былъ совершенно свободенъ отъ такихъ иллюзій. И этою свободою онъ былъ, думается мнѣ, обязанъ не только проницательности и трезвости своего ума и особенностямъ дарованія, но также и тому обстоятельству, что самъ онъ прошелъ карьеру и искусъ чиновника, бюрократа. Онъ былъ однимъ изъ винтовъ той машины, которой основы и духъ, при всѣхъ „улучшеніяхъ“ и измѣненіяхъ внѣшнихъ формъ, нравовъ и т. д., оставались неизмѣнными. Изъ него вышелъ настоящій поэтъ російскаго произвола во всѣхъ его видахъ, во всѣхъ формахъ его проявленія, и мы знаемъ, до какихъ художественныхъ высотъ, до какого паэоса и лиризма подымался онъ въ своей гнѣвной сатирѣ.

Продолжая пояснять свои намѣренія и смыслъ сатиры, Салтыковъ говоритъ: „Конечно, для простаго читателя не трудно ошибиться и принять историческій приѣмъ за чистую монету, но критикъ долженъ быть прозорливъ и не только самъ угадать, но и другимъ внушить, что Парамоша совсѣмъ не Магницкій только, но вмѣстѣ съ тѣмъ и NN, И даже не NN, а всѣ вообще люди извѣстной партіи, и нынѣ не утратившей своей силы“ (*Пыпинъ*, стр. 12).

Поистинѣ приходится удивляться, какъ недогадливы были тогда нѣкоторые (а, можетъ быть, и многіе) читатели и какъ мало прозорливости было у нѣкоторыхъ критиковъ, И тѣхъ, и другихъ ввели въ заблужденіе рѣзкія черты сатиры, столь живо воспроизводяція дикость административныхъ порядковъ и нравовъ нашего сравнительно недавняго прошлаго (XVIII вѣка и половины XIX), Нравы съ тѣхъ поръ смягчились, формы административнаго произвола измѣнились, и сатира Салтыкова казалась запоздалою, несвоевременною, какъ будто исчезъ самый принципъ, на который она была направлена, самый фактъ произвола. Можно подуматъ, что тѣ, которые такъ превратно поняли сатиру, недостаточно живо